

УДК 821 (470.57)

*Ф.Ш. Сибгаатов***СИНТЕЗ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИХ И ЗАПАДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. АМИНЕВА**

В статье на примере творчества Амира Аминева предпринимается попытка рассмотреть историю развития современной башкирской литературы в контексте национальной, арабо-мусульманской и западной культуры, выявить закономерности ее развития, традиции и новаторство. Главной композиционной особенностью повести «В одном ковчеге» является библейская (Бытие, 6–9) и кораническая (сура 11) легенда о пророке Нухе, который на своем ковчеге во время всемирного потопа сумел спасти не только детей, но и животных. Данное предание это местная версия истории о Ноевом ковчеге, т.к. в произведении А. Аминева упоминается не гора Арарат, а Торатау. По мнению автора, сегодня, как и в мифические времена, всему живому угрожает опасность. Поэтому в произведении проводится параллели между главным героем Габитом, который ведет борьбу за сохранение природы родного края и горы Торатау (Шиханы), и библейско-кораническим Ноем-Нухом.

В повести «Цветок-звезда» гармонично переплетаются западные и восточные художественные традиции. Автора привлекает психология человека, его реакция на различные события. В то же время его герои не супермены и не идеальные люди, они учатся на своих ошибках. В этом их жизненность и реалистичность. В статье делается вывод о том, что творчество А. Аминева представляет собой синтез национальных традиций, русской художественной словесности и восточной литературы.

Ключевые слова: архетип, литература, повесть, религия, символизм, синтез, сюжет.

Амир Мухаметович Аминев (1953), лауреат Большой литературной премии России (2012), является одним из самых известных современных башкирских прозаиков. Широкую известность получили повести «Тысяча и одно мучение», «Водоворот», «Ворота», «Китай-город», «В одном ковчеге» и «Цветок-звезда». Герои его произведений – люди, имеющие твердые моральные принципы, верящие в торжество идей справедливости и добра, ставящие на первое место не материальные блага, а интересы общества.

Главной сюжетно-композиционной особенностью повести «В одном ковчеге» (2010) является библейско-кораническая (Бытие, 6–9; Коран, сура 11) легенда о пророке Нухе (Ной): «И вспомнил Бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, (и о всех птицах, и о всех гадах пресмыкающихся,) бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились. И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба. Вода же постепенно возвращалась с земли, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней. И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор» [Бытие. 8:1–5].

Похожую традицию мы видим в пьесе М. Булгакова «Адам и Ева» (1931), где автор приводит два эпиграфа: выписку из инструкции «Боевые газы» и цитату из Библии. Как отмечает Е.А. Иваньшина, эти «эпиграфы являются метатекстом, ориентирующим читателя на “двухслойность” повествования, где, во-первых, “новый” сюжет переплетён со “старым”. Так, “новый”, исторический, изображает гибель культуры, “старый”, литературный, воскрешает забытую книгу и возвращает героям их “культурную прописку”. Во-вторых, “верхний” эпиграф соотносится с “нижним” как историческая реальность с реальностью литературной» [5. С. 201].

Исходя из контекста повести А. Аминева, можно сделать вывод, что данное предание – местная версия библейско-коранической легенды, так как в конце произведения упоминается не гора Арарат, а Торатау: «По истечению трех дней, наконец, доплыли к видимой издалека горе, которую они назвали Торатау, то есть Живая гора – гора, спасшая их от смерти. По приказу Аллаха пророк Нух с женой, сыновьями, снохами, дочерьми-зятьями, избранными людьми и животными вышли из лодки» [1. С. 33]. Основная тема произведения – защита родной земли, бережное отношение к природе. Повествование можно рассмотреть через призму библейско-мусульманской легенды.

Главный герой повести Габит – обычный деревенский житель, охотовед. В отличие от многих современников, он живет не днем насущным, а задумывается о будущем. Например, молодого человека волнует судьба близлежащей горы Торатау (башкирское название Шихан). Это не только памятник природы, но и священная гора, известная еще с языческих времен, с которой связано множество

легенд и преданий башкирского народа. Одним из первых их записал известный ученый-энциклопедист И.И. Лепехин, который был здесь в 1770 г.

Габит боится, что Торатау повторит печальную историю соседней горы Шакетау, которая была недавно взорвана и использована в качестве карьера для объединения «Сода». Исчезнет не только памятник природы, но и генетическая память народа: нет истории, нет и будущего...

Кроме того, произведение можно принять за назира (спор, диспут) с библейско-коранической легендой. Автор предложил свой вариант: Ноев ковчег остановился не на горе Арарат, а на Торатау. Е.Э. Бертельс писал, что «неправильно называть назира подражанием, ибо самая сущность этого явления отнюдь не в подражании, а в том новом, что поэт вносит в тему, причем эти изменения приводят сплошь и рядом к коренному изменению всей концепции» [3. С. 363].

Данная традиция была характерной и для средневековой русской литературы. Например, по словам Д.С. Лихачева, «Новые редакции и новые виды произведений появлялись в ответ на новые требования, постоянно выдвигавшиеся жизнью, или обуславливались изменениями литературных вкусов. В этом особая “живучесть” древнерусских литературных произведений. Некоторые из них читались и переписывались в течение нескольких веков. Другие быстро исчезали, но понравившиеся части включались в состав других произведений, так как чувство авторской собственности еще не развивалось настолько, чтобы охранять авторский текст от изменений или от заимствований из него в состав других произведений» [7. С. 4].

Новые редакции произведений заполняли вакуум в литературе и вследствие дополненных комментариев (шарх) отвечали новым требованиям общества или формировали новые художественные приемы. Это было вполне закономерным явлением для многих национальных литератур.

А.Аминев выражает свою жизненную философию не напрямую, а через традиционные символические образы, хорошо понятным верующим мусульманам и христианам. Одним из таких образов является лодка. В начале повести приводится библейско-кораническая легенда. Лодка может означать, как у арабского философа ал-Газали, посредника между различными сферами бытия. Она может являться олицетворением промежуточного духовного мира (джабарут), расположенного между чувственно воспринимаемым миром явного (мулк) и миром сверхчувственного и тайного, божественного (малакут). Кроме того, в суфийской традиции таррикат соотносят элементом воды [4. С. 207-214].

По мере развития событий, изображенных в повести, автор расширяет семантику образа лодки. Она символизирует нравственно несовершенное современное общество. Как и Ноевом ковчеге (ковчеге Нуха), в лодке есть мыши, готовые изнутри перегрызть ее и затопить вместе со всей живностью. Мышь здесь – зооморфный образ председателя районного общества охотников. Этот герой характеризуется как «один тип» с «мышинными глазами», ему автор даже не посчитал нужным дать имя.

Повесть окаймляется одним и тем же отрывком предания: «Как будто Габит в безбрежном море тумана плывет на лодке Нуха, ища остров. А туман становился все плотнее и плотнее» [1. С. 69].

Таким образом, кораническая легенда определяет основную идею произведения Амира Аминева. По мнению автора, как и в мифическое время, всему живому угрожает опасность. Животный и растительный мир на грани уничтожения. Если в предании это было связано с природным катаклизмом (всемирным потопом), то в повести – с деяниями отдельных представителей рода человеческого. Поэтому отрицательные герои, такие как председатель общества охотоведов и его товарищи, это не просто браконьеры, а преступники, способные утопить ковчег, т.е. наше общество. Они действуют на фоне святой горы, что усугубляет их отрицательную смысловую нагрузку.

На их фоне главный герой. Габит, как и Нух, предстает спасителем человечества и природы. Амир Аминев ставит его в один ряд с пророками, продолжая традицию Ш. Бабича, который в произведении «По случаю курбан-байрама» весь народ соотносит с пророками – Исагилом и Ибрахимом» [8. С. 989-991]. Образ святой для башкир горы Торатау связывает легенду с конкретной местностью и национальным колоритом. Герои Амира Аминева твердо убеждены: только основываясь на вечных культурно-духовных ценностях можно предотвратить опасное падение общества в пропасть.

Произведение «В одном ковчеге» имеет религиозно-мифологический сюжет и индивидуально-авторскую трактовку образов и событий. Это создает два стилистических слоя, вследствие чего возникает психологический параллелизм.

Повесть «Цветок-звезда» (2012) совмещает реальные и ирреальные события. Начало произведения чем-то напоминает детектив. Житель деревни, Рауф Юламанов, посреди ночи просыпается от громкого и настойчивого стука в дверь. Незванные гости сначала представились сотрудниками поли-

ции, а при требовании предъявить ордер назвались сотрудниками Комитета государственной безопасности. В это время во всех домах деревни наблюдалась такая же картина: в окнах горел свет, лаяли собаки, слышался плач и отрывистые команды. Многие вспомнили страх тридцатых годов...

Дальнейшее повествование показывает, что это, к счастью, авторская фантазия. Сомнительна внешность «сотрудников полиции»: «...на веранде стояли три человека лет 25–30 одного роста в черных блестящих плащах, черных шляпах с широкими полями. Лица полностью чужие, бесцветные, ровные, как будто очищенная картофелина – невозможно заметить ни рта, ни носов и глаз» [2. С. 72].

Герои произведения не супермены и не идеальные люди. Рауф мысленно стремился к побегу, но у него не хватило духа. Только парень с передней машины во время остановки рванул в сторону чернеющего вдаль леса. Данная ситуация показывает психологию наших современников: пожилой мужчина смотрит на беглеца с надеждой, второй – осуждающе, а третий вовсе издевательски смеется. Никто из них не воспользовался возникшей суматохой, чтобы попытаться обрести свободу – в душе каждого из них был страх за свою собственную жизнь. Это событие подтолкнуло Рауфа к мысли о том, что свобода зависит только от нас самих.

Во дворе дома, куда его привели, несмотря на осенние заморозки, на краю грядки рос цветок-звезда. На наш взгляд, именно это значительно повлияло на развязку сюжета. Цветок-звезда является символом: «когда другие цветы, замерзнув, полностью почернели», он продолжал ярко цвести. Несмотря на хрупкость, цветок до последнего старается противостоять неизбежности событий и именно это еще более укрепило надежду героя и его желание обрести свободу. «Именно микрообраз, созданный на базе одного представления, становится основой традиционно поэтических метафор-символов» [6. С. 40]. Цветок оказывается не только символом надежды для героя, этот образ поворачивает сюжет в новое русло. В конце произведения, после разрушения фундамента тюрьмы, исчезает конвой и открывается дверь. В этот момент герои замечают, что цветок-звезда завял, т.е., выполнил свое символическое предназначение. Звезда в сознании наших соотечественников выступает символом социального благополучия. Найденный главным героем плакат, на котором изображен человек в космосе, в определенной степени подтверждает данный смысл [2. С. 74].

Важным является и образ пространства, в котором очутился Рауф. «Они стояли перед отдельным зданием длиной приблизительно 8-9, шириной 6-7 метров, отчасти похожий то ли на сельскую школу, то ли на клуб. Здание высокое, стоит на бетонном фундаменте, крыша покрыта шифером, которая уже позеленела от времени. На крыше – красный флаг, низкая накренившаяся антенна, гнездо ласточки без дна с торчащими стебельками силоса с птичьими пухами. На улицу смотрят три окна, во всех трех – железные решетки...» [2. С. 64]. В этом образе просматриваются лишь отдельные фрагменты реальности. Пространство повести символизирует несвободу и условность происходящих событий.

Параллель изображаемых в повести событий с трагическим тридцать седьмым годом и описание места заключения Рауфа имеют глубокий смысл: по мысли автора, историческая трагедия советского периода осталась в подсознании наших соотечественников, отсюда страх, инертность, безынициативность у наших современников.

В повести несколько смысловых пластов, в том числе глубинно-психологический. Его можно интерпретировать в рамках теории глубинной психологии Карла Густава Юнга, основанной на понятии «индивидуация» – обретение личности самой себя, постижение своего духовного центра. В арабо-мусульманской культуре подобная теория была глубоко разработана в философских трудах суфийских ученых, например, в произведении персидского поэта Ф.Аттара «Мантик ат-тайр» [9. С. 73].

Кроме того, «классическая арабская и персидская поэзия работала с такой категорией, как мотив (ма'на), и прослеживала связи между поэтами на уровне заимствования, трансформации и обогащения мотивов» [10. С. 120], что также предполагает обращение к архетипам. Карл Юнг писал: «Благодаря архетипам, человек оказывается способным задуматься над действительными, а не фиктивными проблемами своего существования и бытия и постоянно начать постигать самого себя, свою Самость, чтобы в конце концов обрести утраченную целостность» [11. С. 180].

В повести А. Аминова можно обнаружить три основных архетипа. Самость – это психический центр личности, духовное ядро, высшее «Я». В процессе индивидуации человек чаще неосознанно стремится к своему духовному центру, к обретению Самости (Истины в суфизме). Рауф после долгих мучений и трудов обретает свободу. Подкоп в подполе дома как бы символизирует возвращение главного героя к своим истокам, духовным корням.

Таким образом, Рауф неосознанно стремился к своему духовному центру – свободе. Из обычного школьного учителя он смог подняться до духовного наставника – Учителя. Его сын от брака с Рауфой в последующем убьет человеко-роботов, которые воплощают архетип Тень.

Чем глубже становился подкоп, который делает Рауф, тем большее количество человеческих костей предстает его взгляду. По мнению автора, советский строй, как и все империи, возник на костях. Утром, когда работа была завершена, герои увидели, что фундамент полностью исчез, а нижние венцы дома стояли на земле. Но, даже будучи без фундамента, дом не развалился и стоял крепко. Превратился в клочья только висевший на крыше красный флаг...

Возможно, автор имел в виду, что советская система рухнула, но основы государственности сохранились, потому что печь, символизирующая семейное тепло и уют, также выстояла. (т.е., новое государство избавилось от пережитков тоталитарной системы).

Архетип Анима и Анимус (женское начало в мужчине и мужские черты в психике женщины) можно проследить на примере главных героев Рауфа и Рауфы. Как известно, Анима иногда приобретает эротическую окраску, которая также нашла отражение в повести. Беременность героини тоже символична: последующие поколения будут рождены свободными. В высшей духовной стадии Рауфа – это помощница и мудрая спутница: именно она посоветовала Рауфу начать делать подкоп.

Люди в черных плащах и шляпах – это архетип Тени. Это – страх, инертность и безволие, утвердившиеся в душах героев.

Таким образом, «Цветок-звезда» глубоко философское произведение, созданное на основе синтеза национальных традиций, русской художественной словесности, философии К.Г. Юнга, что и определило художественное новаторство писателя.

В заключении необходимо отметить, что Амир Аминев, воспитанный на традициях русской классической литературы, успешно соединил их с народными и арабо-мусульманскими традициями. Вследствие этого в повестях «В одном ковчеге» и «Цветок-звезда» мы наблюдаем удачный симбиоз западной художественной и философской мысли и восточного романтизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминев А. В одном ковчеге // Агидель. Литературно-художественный журнал. 2010. № 3. С. 33-72.
2. Аминев А. Цветок звезда // Агидель. Литературно-художественный журнал. 2012. № 5. С. 68-89.
3. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Навои и Джамии. Т. 4. М.: Наука, 1965. 498 с.
4. Брагинский В.И. Суфийский символизм корабля и его ритуально-мифологическая архетипика (к историко-поэтическому изучению топки) // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988. С. 198-242.
5. Иваньшина Е.А. От Лучей смерти к лучам жизни: об аппарате Ефросимова в пьесе М.А. Булгакова «Адам и Ева» // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2017. Т. 27, вып. 2. С. 201-209.
6. Ковалевская Е.Г. Анализ текстов художественных произведений: учеб.-метод. пособие. Л.: ЛГПИ, 1976. 53 с.
7. Лихачев Д.С. Введение // История русской литературы X–XVII веков / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1980. С. 3-33.
8. Сибгаатов Ф.Ш. Отражение восточных поэтических традиций в произведениях «Газзил» и «По случаю курбан-байрама» Ш.Бабича // Вестник БашГУ. 2011. №3(1). Т. 16. С. 989-991.
9. Сибгаатов Ф.Ш. Духовная литература башкирского народа. Уфа: Гилем, 2015. 151 с.
10. Чалисова Н.Ю. Классическая персидская литература // Изучение литератур Востока: Россия, XX в. М.: Восточная литература, 2002. С.107-133.
11. Юнг К.Г. Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе / Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева. М.: Наука, 1993. 192 с.

Поступила в редакцию 22.10.2018

Сибгаатов Флюр Шарифуллович, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
426034, Россия, г. Уфа, Заки Валиди, 32
E-mail: jamachta@mail.ru

F.Sh. Sibagatov

SYNTHESIS OF THE ARAB-MUSLIM AND WESTERN LITERARY TRADITIONS IN AMIR AMINEV'S CREATIVITY

The article attempts to consider the history of the modern Bashkir literature in the context of the Arab-Muslim and Western culture, to identify its certain laws, traditions and innovation by the example of Amir Aminev's creativity. The main composite feature of the story "In the same boat" is Koranic (biblical) legend of the Prophet Nuh, who on his ark during the Flood was able to save not only the children but also the fauna. This legend is a local version of the story of Noah's Ark, because in A. Aminev's work, it is not Mount Ararat that is mentioned, but Toratau. According to the author, today, as in mythical times, all living things are in danger. Therefore, the work draws parallels between the protagonist Gabit, who is fighting to preserve the nature of his native land and the mountain Toratau (Shikhany), and the Biblical-Koranic Noah-Nuh.

In the story "Star Flower", Eastern and Western artistic traditions are harmoniously mixed. The author is interested in human psychology, his reaction to various events. At the same time, Aminev's characters are not supermen and perfect people, but they are able to learn from their past mistakes. Therein lay their vitality and realism. The article concludes that the creativity of A. Aminev represents a synthesis of national traditions, Russian literature and art of oriental literature.

Keywords: archetype, literature, novel, religion, symbolism, synthesis, plot.

REFERENCES

1. Aminev A. V odnoj lodke [In the same boat] // Agidel. Literary Journal. 2010. №3. Pp.33-72. (In Bashk.).
2. Aminev A. Cvetok zvezda [Flower star] // Agidel. Literary Journal. 2012. №5. Pp.68-89/ (In Bashk.).
3. Bertels E.E. Izbrannyye trudy. T.4. Navoi i Dzhami [Navoi and Jami]. Selected works. T. 4. M.: Nauka, 1965. 498 p. (In Russian).
4. Braginsky V.I. Sufijskij simbolizm korablja i ego ritual'no-mifologicheskaja arhetipika (k istoriko-pojeticheskomu izucheniju topiki) [Sufi symbolism of the ship and its ritual and mythological archetypes (for historical and poetic study of topics)] // Problemy istoricheskoj pojetiki literatur Vostoka [Problems of historical poetics literatures East]. M., 1988. P. 198-242. (In Russian).
5. Ivan'shina E.A. Ot Luchej smerti k lucham zhizni: ob apparate Efrosimova v p'ese M.A. Bulgakova "Adam i Eva" // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija istorija filologija. 2017. T. 27. Vyp. 2. S. 201-209. (In Russian).
6. Kovalevskaya E.G. Analiz tekstov hudozhestvennyh proizvedenij [Analysis of works of art texts]. L.: LGPI, 1976. 53 p.
7. Likhachev D.S. Vvedenie [Introduction] // Istorija russkoj literatury X—XVII vekov / pod red. D.S. Likhacheva History of Russian literature of X—XVII centuries / edited. D.S. Likhachev. M.: Education, 1980. P. 333. (In Russian).
8. Sibagatov F.Sh. Otrazhenie vostochnyh pojeticheskikh tradicij v proizvedenijah "Gazazil" i "Po sluchaju kurbanbajrama" Sh. Babicha [Reflection of the Eastern poetic tradition in the works "Gazazil" and "On the occasion of Eid al-Adha" of Sh. Babich] // Vestnik BSU. 2011. №3 (1). T. 16. P. 989-991. (In Russian).
9. Sibagatov F.Sh. Duhovnaja literatura bashkirskogo naroda [Spiritual literature Bashkir people]. Ufa: Gilem, 2015. 151 p. (In Russian).
10. Chalisova N.Yu. Klassicheskaja persidskaja literatura [Classical Persian literature] // Izuchenie literatur Vostoka: Rossija, XX v. [The study of literature of the East: Russia, the XX century]. M.: Eastern Literature, 2002. P. 107-133. (In Russian).
11. Jung C.G. Odin sovremennyj mif. O veshhah, nabljudajemyh v nebe [One contemporary myth. About the things seen in the sky] / Per. s nem. R.F. Dodel'ceva [transl. from German R.F. Dodeltseva]. M.: Nauka, 1993. 192 p. (In Russian).

Received 22.10.2018

Sibagatov F.Sh., Candidate of Philology, Associate Professor of Journalism
Bashkir State University
Zaki Validi st., 32, Ufa, Russia, 426034
E-mail: jamachta@mail.ru